Глава 4. Его потенциал

Когда женщина жестами спросила Ли Сычэня, есть ли у него дом, в памяти мальчика тут же всплыла тесная темная каморка, где он томился долгие семь или восемь лет. Он решительно покачал головой, еще не понимая, к чему она клонит, пока незнакомка не протянула ему ладонь, предлагая пойти с ней.

Ли Сычэнь замер. Он расплакался. Он уже и не чаял когда-нибудь снова обрести дом, а потому, ни на миг не сомневаясь, вложил свои пальцы в ее широкую, теплую ладонь.

Спустя много лет, вспоминая этот момент, Сычэнь не раз подумает о том, как ему повезло. В тот день он был настолько изможден и одинок, что пошел бы за любым, кто проявил бы к нему хоть каплю тепла. Окажись эта женщина дурным человеком, его могли бы продать в рабство, а он бы и не заметил. Но судьба была к нему милостива.

Так у Ли Сычэня появилась новая мать. Он называл ее «Mother» — в его представлении английское слово звучало торжественнее и почтительнее, чем китайское «мать». Для него оно стало символом перерождения, данью уважения той, кто подарил ему вторую жизнь.

Способности Сычэня к языкам оказались поразительными. Всего за несколько месяцев он научился бегло изъясняться на английском, пускай и на бытовом уровне. Впрочем, собеседник у него был только один — его мать. По какой-то причине мальчик наотрез отказывался общаться с кем-либо еще.

Мишель Тейлор — так звали женщину — давно овдовела и жила одна. Детей у нее не было. Позже она призналась, что в первую встречу ее покорили глаза Сычэня, а понаблюдав за ним несколько дней, она окончательно убедилась в его доброте и решила усыновить его. Так приемыш получил новое имя — Карлос Тейлор.

Оформить документы на ребенка с восточной внешностью, не имеющего никакого гражданства, в чужой стране было крайне непросто. Тем не менее, Мишель это удалось. Карлос никогда не спрашивал, как именно она этого добилась — ему было достаточно того, что теперь он по закону принадлежал этой семье.

Прошло три месяца. Английский Карлоса заметно улучшился, и Мишель больше не могла игнорировать тот факт, что ее сын практически не выходит на улицу и не играет с другими детьми.

— Карлос, — позвала она его однажды. Женщина присела на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне. — Скажи мне, почему ты никогда не ходишь гулять?

Мальчик весь одеревенел. Он отчетливо помнил, что случилось в его единственный выход в город, но рассказать об этом не мог — боялся доставить матери лишние хлопоты. Он лишь закусил губу и тихо прошептал:

— Мама, я просто хочу быть дома, с тобой.

— Ты лжешь мне, Карлос, — в голосе Мишель прозвучало горькое разочарование. — Я считала тебя честным мальчиком, но ты обманываешь меня прямо в лицо. Я хочу знать правду, Карлос. Не лги мне.

— Мама… — Карлос вцепился в край ее одежды. Его охватил первобытный ужас: вдруг эта теплота, этот покой, ставший самым счастливым временем в его жизни, сейчас исчезнет? За три месяца он так и не смог привыкнуть к тому, что его любят. — Прости меня, прости…

Он обхватил ее колени, и он разрыдался — вместе с ними наружу вырывалась вся обида и боль, скопившаяся за долгое время. Глядя на его рыдания, Мишель не выдержала. Она крепко прижала сына к себе и нежно заговорила:

— Карлос, я твой самый близкий человек. Что бы ни случилось, я всегда буду на твоей стороне.

— Мама… — всхлипывал он. Ему было двенадцать, но из-за долгих лет изоляции по уровню развития он едва тянул на восемь. Его разум был чист и наивен, хотя он и научился безошибочно отличать добро от зла.

Сквозь слезы Карлос рассказал ей о том, что произошло два месяца назад.

В тот день Мишель сама предложила ему выйти поиграть. Для ребенка, который никогда не общался со сверстниками, это было искушение, перед которым невозможно устоять. Это был его первый раз, когда он официально, под покровительством матери, вышел навстречу яркому американскому солнцу.

«Эй, малявка, ты пришел поиграть с нами?» — окликнул его один из мальчишек. У него были ослепительно-золотистые волосы, которые буквально сияли в лучах света, делая его самого похожим на картинку из журнала.

Но Карлосу он сразу не понравился. Карлос нахмурился, не зная, что ответить — он просто не понимал, как вести себя с ровесниками.

«Я с тобой разговариваю, мелочь! Ты чего молчишь?» — Золотоволосый явно разозлился. Его тон стал нетерпеливым и резким.

Карлос закусил губу, вспоминая напутствия тётушки Чжан и распоряжения Мишель. Он заставил себя сделать шаг навстречу, превозмогая робость. Каждый шаг давался ему с трудом, ноги казались свинцовыми, но он все же подошел вплотную.

«Эй, я тебя спрашиваю, оглох?» — Мальчишке на вид было лет десять, но он был на голову выше истощенного Карлоса. Он бесцеремонно вцепился в волосы Сычэня и дернул его назад.

— Больно… — Карлос не понимал, почему его обижают. Он не смел сопротивляться, лишь жалобно и тихо пищал. Никто никогда не учил его, как защищаться в таких случаях.

«Глядите-ка, — задира вдруг гадко ухмыльнулся. Он потянул сильнее и оглянулся на своих дружков. — А он забавный. Посмотрите, как мило он корчится. Хотите тоже развлечься? Когда нам еще попадется такая славная игрушка?»

Сычэня швырнули в угол. Затем последовали удары — градом, один за другим. Его пинали и били до тех пор, пока нападавшие не выбились из сил.

— За что? Почему вы меня бьете? — бормотал Карлос, скрючившись на земле. Он искренне не понимал, почему мир так жесток, и за что люди могут возненавидеть того, кто не сделал им ничего плохого.

«За что?» — Золотоволосый снова схватил его за волосы и приподнял. — «Ха! Да просто ты мне не нравишься. Слушай сюда, урод: увижу тебя еще раз на улице — бить буду каждый раз, как встречу. Пошли, пацаны».

Карлос прижал руки к животу. Пульсирующая боль подтверждала: это не был кошмар, все случилось наяву. В тот день он осознал страшную истину: не все люди живут по правилам. Есть те, кто может превратить тебя в своего врага просто так. С того дня он больше не переступал порог дома.

Выслушав его, Мишель с болью в сердце прижала мальчика к себе:

— Карлос, маленький мой Карлос… сколько же ты вытерпел.

— Мама, все хорошо. Пока ты рядом, мне ничего не страшно, — он обнял ее в ответ. Знать, что о тебе кто-то беспокоится — это и было для него высшим счастьем.

Спустя какое-то время Мишель отстранилась. Ее лицо стало непривычно суровым:

— Карлос, мы не должны позволять им безнаказанно издеваться над нами.

— А? — мальчик растерялся. Он и представить не мог, что тут можно предпринять.

— Иди за мной, — Мишель взяла его за руку. В этот миг она на долю секунды яростно поморщилась, что совершенно не вязалось с ее обычным добродушием. Но вспышка быстро погасла. Она привела Карлоса на кухню и указала на полное ведро с грязной водой и отбросами: — Подними его.

Сычэнь посмотрел на мать с недоумением, но послушно взялся за дужку. Напрягая все свои

силенки, он оторвал ведро от пола и замер. Двинуться дальше он не мог — вес был слишком велик для его худого тела.

Прошло десять минут. Карлос взмок от пота, руки дрожали, силы были на исходе. Он закусил губу и наконец сдался:

— Мама… Карлос больше не может…

Мишель видела, что он на пределе, но не позволила опустить ношу.

— Карлос, запомни: что бы ни случилось, ты не имеешь права сдаваться по собственной воле. Тот, кто сдается первым, никогда не добьется успеха. Ты понял?

— Я понял, мама, — он прослезился. Он не узнавал обычно мягкую Мишель, но, стиснув зубы, продолжал держать ведро. Прошло еще несколько минут, он начал мелко дрожать.

— Хорошо, Карлос, очень хорошо. А теперь донеси это ведро до балкона, и тогда сможешь его поставить.

— Мамочка… — в его голосе прозвучала немая мольба, но он все же начал переставлять ноги. Маленькими, неуверенными шажками он двинулся к балкону. Этот путь занял еще десять минут. Когда он наконец опустил ведро, силы окончательно оставили его, и мальчик просто рухнул на пол, не в силах вымолвить ни слова.

— Карлос, запомни это ощущение, — Мишель подошла к нему и присела рядом. — Человеческий потенциал безграничен. Еще двадцать минут назад ты ныл, что не можешь его поднять, но ты держал его до этого момента. Запомни: силы кончаются только тогда, когда ты чувствуешь то же самое, что и сейчас. Все остальное — лишь лень и страх.

Карлос закрыл глаза, вслушиваясь в ее слова, которые гулким эхом отдавались в его сознании.

В этот момент он почувствовал, как Мишель перешагнула через него. Открыв глаза, Карлос увидел, как его мать с легкостью подхватила то самое тяжелое ведро с помоями и одним резким движением выплеснула его содержимое вниз, за перила балкона.

— Эй! Что за урод это сделал?! Тьфу, какая гадость! Мама, мама, меня облили помоями! — Снизу тут же донеслись детские вопли, перемежающиеся рыданиями, которые быстро удалялись.

Услышав знакомый голос, Карлос вдруг прыснул со смеху. Он собрал остатки сил и прохрипел:

— Мама, спасибо тебе.

Этот голос он узнал бы из тысячи — это был тот самый золотоволосый мальчишка, что таскал его за волосы.

Мишель поставила пустое ведро на пол и подняла Карлоса на руки:

— Тебе не за что меня благодарить, сын. Ты сам притащил это ведро сюда. Если и хочешь сказать спасибо — скажи его самому себе.

— Мама… — Карлос прижался к ней, закрыв глаза. Его сердце до краев переполняла благодарность и вера в то, что теперь он действительно защищен.

http://bllate.org/book/17536/1700698